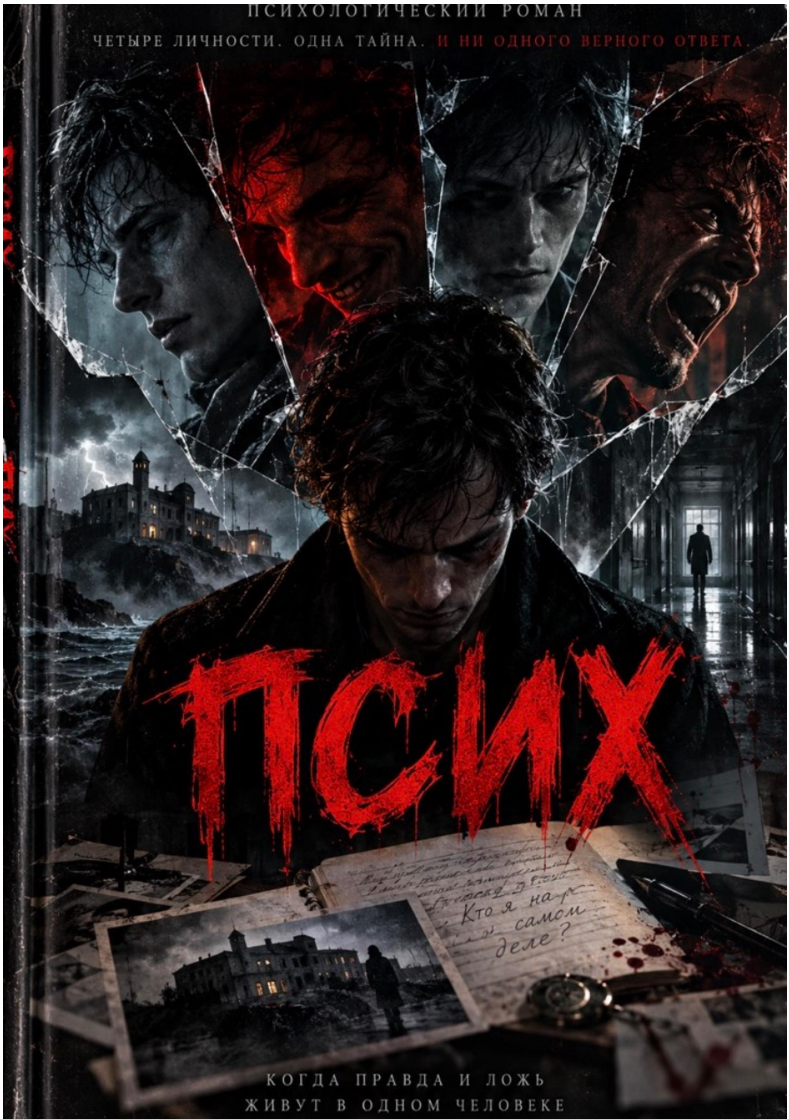

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН
ЧЕТЫРЕ ЛИЧНОСТИ. ОДНА ТАЙНА. И НИ ОДНОГО ВЕРНОГО ОТВЕТА.
ПСИХ
Кто я на самом деле?
КОГДА ПРАВДА И ЛОЖЬ
ЖИВУТ В ОДНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Сергей Ахметов
Псих

https://litres.ru/74710232
SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей Воронцов теряет часы собственной жизни и находит записи, сделанные его рукой, но чуждые его памяти. Четыре голоса — Марк, Виктор, Рэй и Ноль — предлагают несовместимые объяснения исчезновения Павла и пожара восемнадцатилетней давности. Следуя за ключом, фотографией и противоречивыми архивными документами, Андрей пытается восстановить прошлое. Однако каждая улика меняет смысл предыдущей, а расследование всё чаще показывает не то, что произошло, а то, как сильно человеку хочется поверить в определённую версию.

Содержание

Проверка собственной версии 13
Запись с камеры 24
Свидетель с остановки 30
Сторож 35
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Псих

ПРОЛОГ.

У каждого человека есть тайна, которую он хранит не от других, а от самого себя. Чужому можно солгать, судье — представить обстоятельства, друзьям — предложить удобную версию событий. Но собственная память не всегда соглашается быть сообщницей. Иногда она молчит. Иногда подменяет лица. А иногда возвращает правду в таком виде, что человек предпочитает назвать её безумием.

Андрей Воронцов не считал себя ни злым, ни особенно добрым. Он полагал, что живёт как большинство: работает, выполняет обещания, избегает ненужных ссор и старается не причинять вреда. Ему казалось, что характер — это нечто постоянное, подобное подписи в паспорте. Он ещё не знал, что подпись можно подделать собственной рукой, а характер — принять за чужой голос.

Когда на зеркале появилось предупреждение, он решил, что это шутка. Когда исчезли часы, он решил, что забыл их где-то. Когда незнакомцы стали узнавать его, он заподозрил ошибку. Человек всегда находит объяснение, пока объяснение не начинает находить его самого.

Человек редко лжёт себе одним большим, решительным обманом. Чаще он делает это понемногу: меняет название поступка, забывает интонацию, объясняет чужую боль усталостью, а собственный страх — благоразумием. Проходят

годы, и маленькие поправки складываются в историю, которую уже невозможно отличить от правды. Андрей Воронцов жил внутри такой истории, не подозревая, что однажды она потребует от него свидетельских показаний.

Он не был ни чудовищем, ни невинной жертвой — по крайней мере, до тех пор, пока не появились документы, где его подпись стояла под решениями, которых он не помнил. Самое страшное заключалось не в том, что он мог совершить дурной поступок. Страшнее было удобное оправдание: если он не помнит, значит, это сделал не он. Но память не суд, а отсутствие воспоминания — не оправдательный приговор.

Позднее Андрей будет утверждать, что всё началось с зеркала. Это удобная дата: у зеркала есть поверхность, надпись и фотография, которую можно показать другому человеку. Но если быть точным, всё началось раньше — с привычки объяснять собственные поступки так, будто они происходили без его участия. Зеркало не создало тайну. Оно лишь впервые придало ей форму, которую уже нельзя было отмахнуть как случайность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Впервые он обнаружил чужую подпись на зеркале в ванной.

Она была написана чёрным маркером, крупными, неровными буквами:

«НЕ ВЕРЬ ТОМУ, КТО СМОТРИТ НА ТЕБЯ ИЗ ЗЕР-

КАЛА».

Он долго стоял перед раковиной, пытаясь вспомнить, когда успел это написать.

Вчера? Ночью? Может быть, несколько дней назад?

Маркер лежал рядом с зубной щёткой. Крышка была снята. На пальцах остались чёрные следы.

Но он не помнил, чтобы брал его в руки.

— Отлично, Андрей, — пробормотал он, включая холодную воду. — Начинается.

Ему было тридцать четыре года. Он жил один в съёмной квартире на девятом этаже старого дома, работал в небольшой фирме, редко разговаривал с соседями и старался не привлекать к себе внимания.

Андрей Воронцов считал себя совершенно обычным человеком.

По крайней мере, до последнего времени.

Он не пил по утрам, не употреблял наркотики, не страдал бессонницей в привычном понимании этого слова. Иногда ему снились странные сны, иногда он забывал мелочи. Мог положить телефон в холодильник или выйти из дома без ключей.

Но у кого такого не бывает?

Другое дело — последние три месяца.

Андрей начал находить вещи, которых никогда не покупал. В его шкафу висела дорогая чёрная куртка, которую он не помнил. В ящике стола лежали билеты на поезд в город,

где он никогда не бывал. Однажды утром он обнаружил на кухне разбитую чашку и кровь на манжете рубашки.

Он порезался? Не заметил?

Возможно.

А потом появились сообщения.

Первое пришло в два часа семнадцать минут ночи.

«Не выходи завтра на работу».

Отправитель был неизвестен. Андрей удалил сообщение и заблокировал номер.

Через несколько минут пришло второе.

«Я серьёзно. Он уже знает».

Андрей выключил телефон.

Утром он всё-таки пошёл на работу.

Потому что взрослые люди не позволяют неизвестным номерам управлять своей жизнью.

По крайней мере, так он думал.

В офисе пахло дешёвым кофе, пылью и нагретым пластиком. За окном шёл дождь. Сотрудники сидели перед мониторами, печатали документы, спорили о выходных.

Всё было привычно.

— Воронцов, к директору, — бросила секретарь, даже не подняв головы.

Андрей остановился.

— Зачем?

— Откуда я знаю? Он уже двадцать минут тебя ждёт.

В кабинете директора было слишком тихо.

За столом сидел Михаил Сергеевич — мужчина лет пятидесяти с тяжёлым лицом и привычкой постукивать ручкой по документам.

Перед ним лежала фотография.

— Садись, Андрей.

Он положил ладони на колени, чтобы директор не заметил, как дрожат пальцы. Под фотографией лежал лист с распечатанным временем: 02:17. То же время, что стояло на первом ночном сообщении. Андрей не спросил об этом сразу — ему захотелось проверить, заметит ли Михаил Сергеевич совпадение сам.

— Вы давно собирались мне это показать? — спросил он.

Директор перестал постукивать ручкой. Пауза была короткой, но в ней успело появиться нечто большее, чем раздражение: осторожность человека, который заранее выбрал слова и теперь понял, что выбранные слова не подходят.

Андрей сел.

— Ты знаешь этого человека?

Директор повернул фотографию.

На снимке был мужчина примерно сорока лет. Худой, коротко стриженный, с глубоко посаженными глазами. Он стоял возле ночного магазина и смотрел прямо в объектив.

Андрей почувствовал неприятный холод под рёбрами.

Он знал этого человека.

Не мог объяснить откуда. Не мог вспомнить его имени. Но лицо вызывало такое ощущение, словно он смотрел на

фотографию собственного отражения, только снятого в другой жизни.

— Кто это? — спросил Андрей.

— Вот это я и хочу от тебя услышать.

Михаил Сергеевич подвинул фотографию ближе.

— Его нашли вчера ночью. Он утверждает, что знаком с тобой. Более того, он назвал твоё полное имя, адрес и место работы.

— И что?

— Он сказал, что ты угрожал ему.

Андрей снова посмотрел на снимок. На правом краю фотографии виднелась белая полоса, будто кадр обрезали уже после печати. Мужчина стоял не совсем лицом к камере: плечи были развёрнуты к выходу из магазина, а глаза смотрели на фотографа. Это могло быть обычной случайностью, но Андрей вдруг подумал, что человек не позировал — он проверял, кто идёт за ним.

— Где он сейчас? — спросил Андрей.

— В полиции. От разговора с тобой он отказался. Сказал, что сначала ты должен вспомнить сам.

— Это не ответ.

— Я знаю. Поэтому и позвал тебя.

На обратном пути к своему столу Андрей поймал себя на том, что старается не смотреть в стеклянные перегородки офиса. В каждой отражались люди, которых он знал, и каждый раз на долю секунды ему казалось, что один из силуэтов

движется с опозданием.

Андрей нервно усмехнулся.

— Я даже не знаю, кто он.

— Тогда объясни, почему на записи с камеры магазина вы выглядите как два человека, которые прекрасно знакомы.

— На какой записи?

Директор несколько секунд смотрел на него.

— Андрей, полиция может захотеть поговорить с тобой. Я не собираюсь вмешиваться в твою личную жизнь, но мне нужно понимать, что происходит.

— Ничего не происходит.

Он произнёс это слишком быстро.

И сам услышал, насколько фальшиво прозвучал его голос.

Весь остаток дня Андрей пытался работать, но строчки на экране расплывались.

Кто этот мужчина?

Почему он его знает?

И главное — почему при виде фотографии Андрей испытал не страх, а узнавание?

В половине шестого он вышел из офиса, сел в машину и запер двери.

Дождь барабанил по крыше.

Он достал телефон и открыл галерею. Листал фотографии за последние месяцы, надеясь найти хоть какую-то подсказку.

На одном снимке он стоял возле супермаркета.

На другом — сидел в кафе.

На третьем был изображён незнакомый подъезд.

А потом он заметил фотографию, которой точно не делал.

На ней был он сам.

Снимок был сделан в тёмной комнате. Андрей сидел на стуле, наклонившись вперёд, сцепив пальцы. Его лицо выглядело усталым, но взгляд…

Взгляд был совершенно чужим.

Под фотографией стояла дата: три недели назад.

Андрей увеличил изображение.

На обороте — если бы это была настоящая бумажная фотография — ничего не было бы видно. Но снимок оказался цифровым, и внизу, почти незаметно, обнаружилась подпись:

«Знакомься. Это тот, кто считает себя главным».

У Андрея пересохло во рту.

Он открыл сведения о файле.

Фотография была сделана на его собственный телефон в 03:41.

Андрей не спал в ту ночь. Или спал?

Он не помнил.

Внезапно телефон завибрировал.

Неизвестный номер.

Андрей принял вызов.

— Алло?

На другом конце молчали.

— Кто это?

Послышался тихий смешок.

Затем мужской голос произнёс:

— Ну что, Андрей? Опять ничего не помнишь?

Андрей крепче сжал телефон.

— Кто вы?

— Ты задаёшь неправильный вопрос.

— Тогда какой правильный?

Пауза.

— Спроси, кто из нас сегодня проснулся первым.

Связь оборвалась.

Андрей остался сидеть неподвижно.

Он хотел немедленно позвонить в полицию. Хотел вернуться в офис и потребовать записи с камер. Хотел найти объяснение, которое можно было бы измерить, проверить, положить на стол и сказать: вот оно, всё просто.

Но объяснения не было.

Была только фотография.

И чувство, что кто-то наблюдает за ним изнутри.

В ту ночь Андрей не спал.

Он проверил замки, задёрнул шторы и положил телефон на стол экраном вниз. В квартире было тихо. Только холодильник иногда гудел на кухне.

В 01:12 он услышал звук из прихожей.

Щелчок.

Проверка собственной версии

Андрей сфотографировал надпись, замок и собственные пальцы. Он измерил расстояние от букв до края зеркала, словно точность могла заменить память. На двери не было следов взлома; запасной ключ лежал на привычном месте. Это поддерживало простое объяснение: надпись оставил он сам. Но почерк отличался в мелочах, а разница могла быть как признаком чужой руки, так и следствием спешки. Он записал три версии и запретил себе выбирать между ними. Через минуту рядом с первой появилась галочка. Андрей зачеркнул её, но вдавленный след остался на бумаге.

Будто кто-то повернул ключ в замке.

Андрей вышел из спальни.

Дверь была заперта. Цепочка на месте. Обувь стояла так же, как вечером.

Никого.

Он вернулся в комнату, включил свет и посмотрел на часы.

01:13.

Затем моргнул.

Когда он снова открыл глаза, часы показывали 02:06.

Андрей стоял посреди кухни.

На нём была та самая чёрная куртка, которую он не помнил, откуда взял.

В правой руке он держал кухонный нож.

На столе лежал раскрытый блокнот.

Андрей уронил нож. Металл ударился о плитку, и этот звук заставил его отшатнуться.

Он не понимал, что происходит.

Пальцы дрожали. Сердце билось так сильно, что боль отдавала в шею.

Он посмотрел на блокнот.

«Если ты читаешь это, значит, я снова позволил тебе вернуться».

Андрей медленно перевернул страницу.

«Мы не больны. Мы просто не можем доверить тебе всё».

Ещё одна страница.

«Меня зовут Марк. Я принимаю решения, когда ты слишком слаб, чтобы их принять».

Следующая запись была сделана другим почерком — ровным, аккуратным, почти школьным.

«Марк опасен. Он считает, что может решать за всех. Не слушай его».

Под записью стояла подпись:

Виктор.

Андрей почувствовал, как холодеют руки.

На следующей странице буквы были крупными, угловатыми, будто автор торопился.

«Виктор врёт. Марк хотя бы не притворяется хорошим. Я единственный, кто говорит правду».

Подпись:

Рэй.

Андрей отступил от стола.

Три имени.

Три разных почерка.

И ни одного воспоминания о том, кто их написал.

Он перевернул последнюю страницу.

Там была всего одна строчка.

Она отличалась от остальных. Почерк был его собственным — знакомым, привычным, тем, которым он подписывал документы и банковские бумаги.

«Нас четверо. И только один из нас знает, что произошло той ночью».

Под ней стояла дата.

Пятнадцать дней назад.

Андрей медленно опустился на стул.

— Нет… — прошептал он. — Нет, этого не может быть.

В комнате что-то скрипнуло.

Он резко обернулся.

В дверном проёме никого не было.

Но в чёрном экране телевизора отражалась кухня. Стол. Стул. Сам Андрей, бледный и испуганный.

И ещё одна фигура.

Мужчина стоял прямо за его спиной.

Андрей обернулся снова.

Пустота.

Он посмотрел на телевизор.

Отражение мужчины всё ещё было там.

Тот наклонил голову, словно разглядывал Андрея с любопытством. Затем медленно поднял руку и приложил палец к губам.

Тс-с-с.

Андрей зажмурился.

Когда он открыл глаза, отражение снова было обычным.

Он вскочил, схватил телефон и набрал номер экстренной службы, но остановился, не нажав вызов.

Что он скажет?

Что увидел человека в выключенном телевизоре?

Что обнаружил нож на собственной кухне?

Что не помнит, где провёл почти час своей жизни?

Он представил лицо диспетчера. Вопросы. Врачей. Белые стены. Чужие взгляды.

И впервые за много лет испугался не того, что его сочтут сумасшедшим.

Он испугался, что ему поверят.

Потому что где-то глубоко внутри он уже знал: это не началось сегодня.

Просто сегодня он впервые нашёл доказательства.

Телефон снова завибрировал.

На экране появилось новое сообщение с неизвестного номера.

«Ты всё ещё думаешь, что мы прячемся от тебя?»

Следом пришло второе.

«Мы прячем тебя от того, кто идёт за нами».

Андрей перечитал сообщение.

Потом ещё раз.

И ещё.

За окном проехала машина, на мгновение осветив комнату фарами.

В этом свете он заметил, что блокнот лежит уже на другой странице.

Он не видел, как его перевернули.

Внизу страницы появилась свежая запись:

«Четвёртый проснулся».

Андрей отшатнулся.

Он знал три имени.

Марк. Виктор. Рэй.

Но кто был четвёртым?

И почему, глядя на эту запись, Андрей почувствовал не страх, а нечто гораздо худшее?

Узнавание.

Из глубины его сознания поднялась мысль — тихая, отчётливая, словно произнесённая чужими губами:

«Если он вспомнит моё имя, нам всем конец».

Свет на кухне погас.

А когда через несколько секунд он снова загорелся, Андрей сидел на стуле, сложив руки на столе.

Его дыхание было спокойным.

Пальцы больше не дрожали.

Он поднял голову и посмотрел прямо перед собой.

— Наконец-то, — произнёс он чужим голосом. — А я уж думал, этот идиот никогда не догадается.

Он улыбнулся.

И добавил:

— Ладно. Теперь моя очередь.

Утренний маршрут. Андрей решил пройти привычный путь до работы пешком, чтобы проверить, не осталось ли в городе следов ночного исчезновения. У киоска продавщица назвала его другим именем и тут же испугалась собственной ошибки.

он впервые допустил, что предупреждения могли быть не случайной шуткой, а частью давно начавшегося общения.

Вечерняя запись. Он оставил диктофон включённым и сел напротив пустого стула, решив дождаться любого звука. На записи обнаружились долгие паузы, затем тихое: «ты опять хочешь, чтобы кто-то другой сделал выбор».

Он сохранил запись, хотя впервые боялся не её содержания, а собственного желания услышать в ней признание. Он оставил дверь незапертой, хотя раньше непременно проверил бы замок дважды. Не из храбрости: ему хотелось узнать, что произойдёт, если он на этот раз не станет заранее управлять каждым возможным исходом.

В половине восьмого Андрей заметил на внутренней стороне запястья тонкую красную полосу. Она шла от основа-

ния большого пальца к сгибу руки, будто кожу долго прижимали к грубой поверхности. Он осмотрел руку при дневном свете и попытался восстановить вчерашний день. Работал дома, купил хлеб и молоко, после девяти не выходил. Так говорила память — спокойная, последовательная и потому подозрительно похожая на рассказ, который человек повторяет самому себе.

В ванной зеркало запотело, хотя вода не была включена. На стекле кто-то провёл пальцем четыре вертикальные линии и одну короткую поперечную. Андрей вытер зеркало полотенцем. Под следами проступила надпись: «Не открывай, если услышишь три удара». Почерк был его собственным: тот же наклон букв, та же длинная черта в «т». Он сфотографировал зеркало, записал время и проверил замок. На металле обнаружилась свежая царапина.

В течение дня он старался объяснить происшествие обыденными причинами. Возможно, написал фразу ночью, проснувшись в полусне; возможно, речь шла о соседях. Но он жил один, дверь была заперта, а запись с домофона за одиннадцать минут отсутствовала. Сбой мог быть техническим. Однако он пришёлся именно на тот промежуток, который Андрей не мог вспомнить.

Перед сном Андрей оставил включённым свет в прихожей и поставил телефон на запись. Он надеялся, что запись либо обнаружит простое объяснение, либо даст факт, который можно проверить. Но глубже, там, куда не доходили доводы,

он хотел, чтобы ночь прошла спокойно и утром ему вернулось право жить без наблюдения за самим собой.

Он уснул сидя. Проснулся от трёх ударов. Они прозвучали со стороны входной двери — негромко, почти вежливо. Андрей не двинулся. Через несколько секунд раздался четвёртый удар, тише первых. За дверью кто-то произнёс его имя, но голос был слишком похож на его собственный, чтобы Андрей мог поверить, что говорит другой человек.

Андрей открыл ящик письменного стола и обнаружил, что все карандаши лежат остриём к стене. Он никогда не придавал значения таким мелочам, однако теперь они казались частью чьего-то строгого порядка. Под стопкой счетов лежал чек из ломбарда, датированный вчерашним вечером. Андрей не сдавал ничего в ломбард. В строке предмета значилось: «часы мужские, квадратный циферблат». Он проверил запястье — часов не было, хотя отец когда-то подарил ему именно такие. Сумма выкупа была указана на обратной стороне. Срок истекал через три дня.

Андрей снял зеркало с крючков и положил на полотенце, стараясь не смотреть на надпись. Под стеклом обнаружилась узкая полоска пыли, а в нижнем углу — царапина, похожая на цифру семь. Царапина была старой; маркер — свежим. Эти две детали не объясняли друг друга, но казались частью одного сообщения. Он сфотографировал зеркало, затем собственные пальцы: на правом указательном остался след чернил. Почерк на стекле был знакомым и чужим одновремен-

но. Буква «Р» имела длинную ножку, которую Андрей никогда не выводил. Он сравнил надпись со своей подписью на квитанции. Совпадение было неполным — ровно настолько, чтобы ничего не доказать. На работу он позвонил и сказал, что заболел. Начальник спросил, что случилось. Андрей хотел ответить правду, но правда звучала как признание в том, чего он сам не понимал. — Голова, — сказал он. Это была не ложь. Просто слишком маленькая часть правды.

В тот день Андрей впервые завёл журнал наблюдений. Он разделил страницу на три колонки: «видел», «помню», «предполагаю». В первой записал маркер на раковине и следы на пальцах; во второй — пустоту; в третьей — бессонницу, стресс и возможную забывчивость. Он заметил, что третья колонка заполняется быстрее остальных. Предположения приносили облегчение: они позволяли закрыть вопрос, не отвечая на него. Андрей вычеркнул слово «случайность» и написал рядом: «проверить». Это было его первым честным действием за несколько недель.

Внизу, на внутренней стороне двери, Андрей заметил тонкую полоску синей краски. Он был уверен, что раньше её не было, но не мог вспомнить, когда дверь в последний раз красили. Он сфотографировал след и только потом увидел рядом с ним едва различимую цифру: 17. Цифра могла быть случайной царапиной. И всё же теперь надпись на зеркале перестала быть единственным сообщением в квартире.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЧУЖОЕ ИМЯ

Андрей не сразу понял, что голос, произнесший последнюю фразу, принадлежал ему. Голос был ниже, спокойнее и словно избавлен от той осторожности, которой он сам привык прикрывать каждую мысль. В кухне пахло остывшим кофе и мокрой шерстью пальто; за окном город плыл в дождевом стекле, и ни одна вещь не свидетельствовала о случившемся, кроме раскрытого блокнота.

Он позвонил на работу и сказал, что заболел. Секретарь ответила после второго гудка: «Опять?» Это короткое слово задело его сильнее, чем следовало. Андрей спросил, что значит «опять», но женщина замолчала, а затем поспешно объяснила, что он уже несколько раз отсутствовал без предупреждения. В его календаре все дни были заполнены обычными встречами, и всё же между вторником и пятницей зияла пустота, словно кто-то вырезал из недели несколько часов, не оставив даже края.

В кармане куртки он нашёл визитную карточку без названия учреждения. На ней было напечатано только: «Марк. Если память подведёт — позвони». Номер оказался действующим, однако на звонок ответил сам Андрей — по крайней мере, человек на другом конце произнёс его голосом: «Ты слишком рано». После этого связь оборвалась.

Секретарь Ирина призналась, что Андрей уже несколько раз звонил ночью и просил не соединять его с самим собой. В журнале звонков обнаружилась запись разговора, которого Андрей не помнил.

Андрей впервые понял, что его забывчивость затрагивает не только его самого.

Он осмотрел замок, окна и почтовый ящик, пытаясь найти следы чужого присутствия. На внутренней стороне конверта стоял отпечаток большого пальца, похожий на его собственный, но чернила под ним были ещё влажными.

Вопрос оказался не риторическим: в квартире всё было устроено так, будто кто-то ожидал его возвращения.

Андрей позвонил по карточке Марка и услышал голос, который знал его привычки лучше любого друга. Собеседник не отвечал на вопросы, а задавал их: о лестнице, запахе дыма и ключе с номером семнадцать.

После звонка Андрей записал фразу, но почерк на бумаге оказался непривычно угловатым. В блокноте он написал: «Я не знаю». Затем долго смотрел на эту фразу, ожидая, что она покажется поражением. Но впервые она выглядела не слабостью, а границей, за которую он не хотел переступать без доказательств.

Запись с камеры

На записи турникета Андрей вошёл в офис в 08:43, остановился перед проходом и поднялся по лестнице вместо лифта. В 09:06 он вышел из кабинета директора. Камера не показывала, что происходило за закрытой дверью, и не могла объяснить фотографию на столе. Администратор отказался выдавать копию без официального запроса. «На записи видно движение, но не причину», — сказал он. Андрей сфотографировал монитор, затем удалил снимок: он не понимал, какую гипотезу тот проверяет. Удаление не уничтожило запись, но показало ему, как легко он принимал тревогу за доказательство.

Он пришёл в офис, где коллеги смотрели на него с вежливой осторожностью. Ирина передала ему конверт, который он оставил ей месяц назад, и отказалась объяснять, почему боялась его хранить.

Он записал увиденное почти дословно, затем перечитал и вычеркнул прилагательные. Ему хотелось оставить лишь то, что можно было бы показать другому человеку, не требуя от того веры. Эта маленькая дисциплина удерживала его от поспешного вывода, хотя не приносила облегчения. В конверте лежал снимок двери, на которой белой краской было написано число 17. Ночью ему приснилось, что он стоит по одну сторону двери, а Павел — по другую. Во сне Андрей не ви-

дел замка и не знал, у кого ключ. Проснувшись, он не стал записывать сон как воспоминание.

Андрей поставил телефон на запись и попытался не спать, чтобы поймать момент провала. Когда он очнулся, запись продолжалась, а его голос терпеливо объяснял невидимому слушателю, что имя — это не человек.

В памяти возникали не целые картины, а отдельные ощущения: холод металла, запах мокрой ткани, сухость во рту, напряжение пальцев. Стоило ему попытаться соединить их в последовательность, как появлялась готовая история — слишком стройная, чтобы не вызвать подозрения. На экране телефона появилась новая заметка с датой следующего дня, хотя часы показывали лишь половину ночи. К вечеру он понял, что не приблизился к окончательному ответу. Зато изменилось другое: теперь он видел, где именно заканчивается факт и начинается его желание, чтобы факт означал что-то определённое.

Утром Андрей просмотрел ночную запись. В 03:41 он поднял голову, посмотрел в сторону двери и произнёс: «Я сказал тебе не приходить». Затем встал и вышел из комнаты. Через двадцать минут вернулся, держа мокрый ключ. Положил его на стол, посмотрел прямо в объектив и сказал: «Теперь ты тоже свидетель». Самым страшным было не содержание слов, а выражение лица: он двигался спокойно, будто выполнял знакомую работу.

Он позвонил Ирине, секретарю отдела. Та сообщила, что

в понедельник Андрей приходил в офис после полуночи. Его пропуск использовали дважды, а в журнале комментариев кто-то написал: «Марк забрал папку». Андрей не знал никакого Марка. Но в кармане куртки нашлась визитная карточка с этим именем.

Вечером охранник офиса достал из ящика маленький конверт. Внутри лежал ключ с биркой «17» и записка: «Не спрашивай, кто такой Марк. Спроси, почему он знает, чего ты боишься». Андрей убрал ключ в карман. Он впервые допустил, что имя может быть не случайной выдумкой, а частью последовательности событий, которую он потерял. Однако это ещё не означало, что Марк был отдельным человеком. Имя могло обозначать роль, воспоминание, страх или способ действовать, который Андрей не желал признавать своим.

Вечером Андрей позвонил по номеру на визитке. Мужчина ответил после первого гудка и назвал его не Андреем, а «наблюдателем». Андрей потребовал объяснить, что это значит. «Ты сам выбрал это слово, потому что не хотел называться участником», — ответил голос. На заднем плане слышался гул вентиляции и три металлических удара. Андрей спросил, где находится собеседник. «Там же, где ты оставил меня». Связь оборвалась. На этот раз телефон сохранил запись разговора, но при воспроизведении голос Андрея звучал с обеих сторон диалога.

В кармане куртки Андрей нашёл чек из круглосуточной

аптеки: бинт, перекись, обезболивающее и дешёвый блокнот, покупка в 03:12. Он пошёл в аптеку. Кассирша сначала сказала, что не помнит ночных покупателей, потом нахмурилась. — Вы уже спрашивали об этом утром. — Что я спрашивал? — Купил ли кто-нибудь бинт. И просил не отдавать сдачу человеку с таким же лицом. Она достала из-под кассы несколько монет, завёрнутых в чек. Андрей не взял их. Женщина могла ошибиться, подыграть ему или действительно видеть его дважды. Монеты не доказывали ничего, кроме того, что кто-то оставил их намеренно. На обратном пути Андрей впервые подумал: возможно, память не исчезает. Возможно, она просто перестаёт принадлежать тому, кто просыпается утром.

Имя Марк стало для Андрея не ответом, а направлением. Он проверил старые контакты, рабочую почту и списки сотрудников; нигде не нашёл человека с таким именем, который мог бы иметь доступ к его пропуску. Но в телефонной галерее обнаружилась фотография двери с номером 17, снятая в день, когда Андрей помнил себя на совещании. На снимке отражалась часть лица. Неизвестно было, фотографировал ли он дверь сам или кто-то использовал его телефон. Он сохранил оригинал, не обрезая отражение: впервые понял, что обрезанная улика слишком часто превращается в удобную улику.

Вечером секретарь прислала короткое сообщение: «Я нашла запись, о которой вы спрашивали. Но в ней ваш голос

обращается к человеку по имени Павел». Через минуту сообщение исчезло. Андрей сделал снимок экрана, однако на нём осталась только первая строка. Он не мог доказать, что секретарь отправляла вторую часть, но теперь у него появился свидетель, который тоже боялся собственной памяти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СЛЕД НА МОКРОМ АСФАЛЬТЕ

Вечером Андрей вышел из дома, решив проследить путь, который, судя по банковским уведомлениям, совершал последние недели. Он нашёл станцию метро, где его карта отмечалась в три часа ночи, и маленькое кафе напротив закрытого вокзала. Бариста узнал его сразу и спросил, почему он пришёл один: «Ваш друг сегодня не с вами?» Андрей ответил, что не понимает, о ком речь. Бариста не стал спорить, но на салфетке написал: «Вы просили передать, если снова забудете».

Под салфеткой лежал ключ с биркой № 17. Когда Андрей поднял глаза, улица показалась ему знакомой до болезненности: трещина в бордюре, мигающая вывеска, чёрный автомобиль у перехода. Он вспомнил, как шёл здесь рядом с человеком, лица которого не мог восстановить. Тот говорил, что память похожа на свидетеля, которому платят не за правду, а за молчание.

На обратном пути Андрей заметил следы собственной обуви на мокром асфальте, уходившие в переулок. Он не помнил, чтобы сворачивал туда, но следы были свежими. В конце переулка стояла дверь без вывески. За ней кто-то три-

жды постучал изнутри.

Кафе у вокзала. Бариста помнил Андрея и человека, который всегда садился спиной к стене. Он описал незнакомца как высокого мужчину с ожогом на запястье и привычкой считать выходы.

Андрей понял, что чужая память о нём иногда надёжнее его собственной.

Переулок за кафе. Следы на мокром асфальте вели к двери без вывески. У порога он нашёл окурок редкой марки, которую курил его отец, хотя отец умер много лет назад.

На стене висел план здания с комнатой, отмеченной красным карандашом.

Разговор с дворником. Старик, убирающий листья, назвал Андрея «вторым посетителем» и попросил не задавать вопросов при камерах. Он рассказал, что видел Андрея здесь в ночь, когда дождь шёл вверх по стеклу.

В его тележке лежала фотография Андрея, сделанная сзади за несколько дней до этого. В блокноте он написал: «Я не знаю».

Свидетель с остановки

Мужчина в рабочей куртке узнал на фотографии человека, которого видел у ночного магазина. Или человека, похожего на него. Тот стоял под дождём с бумажным стаканчиком и поглядывал на часы. Одежда совпадала с описанием куртки из шкафа Андрея, но тёмные куртки носили тысячи людей. «Вы показываете снимок и ждёте, что я стану увереннее», — заметил свидетель. Андрей записал его слова отдельно, указав, что описание могло быть подсказано вопросами. Чужая память не стала спасением; она оказалась ненадёжной по тем же причинам, что и его собственная.

Погоня без преследователя. Андрей почувствовал, что за ним идут, и ускорил шаг. Каждый раз, когда он оборачивался, улица была пуста, но в витринах отражался человек в сером пальто.

Он понял, что боится не того, что его преследуют, а того, что преследователь знает дорогу домой.

Ключ № 17. Ключ оказался тяжелее, чем должен был быть, а на бирке под краской виднелись старые инициалы. Андрей соскоблил краску и прочитал «п.в.» — те же буквы были на семейной фотографии.

Он впервые произнёс имя Павла вслух — и из соседнего подъезда кто-то ответил: «Наконец-то».

Дождь превратил улицы в длинные серые зеркала. Ан-

дрей восстановил маршрут по банковской выписке: покупка в круглосуточном магазине, поездка на такси к железнодорожной ветке, оплата камеры хранения на станции. Он не помнил ни поездки, ни покупки, но чеки были настоящими. Продавщица вспомнила, что он покупал батарейки и сигареты. Андрей никогда не курил. На вопрос о спутнике женщина ответила, что он говорил с кем-то у холодильника: «Не сейчас, Рэй. Здесь люди».

Камера хранения открылась ключом из кармана. Внутри лежали сухая рубашка, фотография двух мальчиков у воды и билет на поезд. На обороте фотографии детским почерком было написано: «Если один забудет, второй должен помнить». Подписи гласили: Павел и Андрей. Второе имя он узнал; первое ничего не вызвало, кроме необъяснимой тяжести в груди.

У выхода со станции стоял мужчина в тёмном пальто. Он смотрел прямо на Андрея, словно ожидал его. Когда Андрей направился к нему, толпа закрыла проход. На мокром асфальте остались два ряда следов, начинавшихся рядом и уходивших в разные стороны. Один ряд был обращён носками назад. Андрей сфотографировал их, но на снимке странность почти терялась. Он понял, что расследование может быть устроено кем-то другим — или им самим, чтобы придать форму тому, чего он не мог вспомнить.

В такси Андрей попросил водителя восстановить маршрут из истории поездок. Тот вспомнил, что пассажир дважды

менял адрес и в конце велел остановиться у закрытого переезда. «Вы сказали, что там вас ждёт брат», — добавил водитель. Андрей спросил, как выглядел брат. Водитель задумался и ответил: «Как вы, только старше. Или моложе. Я не уверен». В приложении поездка была оплачена наличными, хотя Андрей никогда не носил с собой наличных. Он занёс показания водителя в журнал, отметив отдельно каждую деталь, в которой тот сомневался.

В киоске Андрей попросил продавца проверить камеру за прошлую ночь. На экране человек в тёмной куртке вышел из переулка, остановился под фонарём и поднял руку к объективу. Лицо расплывалось от дождя, но походка была знакомой: короткий шаг левой ногой, едва заметный поворот плеча. — Это вы? — спросил продавец. — Не знаю. — Похожи. Запись могла быть испорчена, часы камеры — сбиты, а человек — просто похож. Копию продавец отдавать отказался. Андрей запомнил не лицо, а жест: ладонь была обращена не к камере, а к месту чуть левее неё. Кто-то мог стоять там, за пределами кадра. Или человек приветствовал собственное отражение в тёмном стекле киоска.

Уже дома он сверил время на чеке с данными такси. Машина действительно была заказана с его аккаунта, однако водитель отменил поездку через две минуты после подачи. Затем заказ появился снова — с тем же номером автомобиля, но с другим маршрутом. Водитель не ответил на звонок. Андрей записал оба номера и отправил их следователю, не де-

лая вывода, что за рулём сидел один и тот же человек. Впервые его расследование стало не поиском тайного объяснения, а попыткой сохранить детали до того, как воображение свяжет их в историю.

Перед закрытием бариста всё-таки вспомнил одну подробность: незнакомец никогда не называл Андрея по имени. Он обращался к нему словом «второй». Это могло быть прозвище, шутка или часть разговора, вырванная из контекста. Но оно связывало кафе с языком старых протоколов, где люди иногда обозначались не именами, а порядковыми номерами.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ЗДАНИЕ ЗА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГОЙ

Ключ подошёл к двери. За ней оказался лестничный пролёт, пахнувший сыростью и старой известью. На втором этаже тянулся коридор с несколькими кабинетами; таблички были сняты, а на стенах остались прямоугольники более светлой краски. В одной комнате стояли стулья полукругом, как в месте, где людей учат говорить правду по очереди.

На столе лежал диктофон и лист с четырьмя именами: Марк, Виктор, Рэй, Ноль. Первые три были перечёркнуты, последнее обведено. Андрей включил запись. Собственный голос сообщил, что «имена не являются доказательствами, но иногда становятся единственным способом подойти к тому, что нельзя назвать прямо». Затем послышался скрип стула и другой голос спросил: «А если ты назвал нас, чтобы не

называть себя?»

Андрей выключил диктофон. В глубине комнаты висело зеркало, закрытое серой тканью. Он не решился её снять. На обратной стороне двери мелом было написано: «Не приходи сюда, если хочешь остаться невиновным».

Лестница без табличек. Андрей поднялся в здание и услышал за стеной тихий разговор, хотя помещения числились пустыми. На подоконнике лежал стакан с ещё тёплой водой и след губной помады.

Андрей не понял, говорили ли о нём или о ком-то, кто носил его лицо.

Комната для бесед. Четыре стула стояли полукругом, пятый был повёрнут к стене. На каждом стуле обнаружилась царапина: м, в, р и круг без буквы.

Встав, Андрей увидел на сиденье влажный отпечаток ладони.

Диктофон. Запись содержала паузы, в которых слышалось дыхание нескольких людей. Один голос утверждал, что Андрей не был в здании; другой называл точное время его прихода.

Запись оборвалась на звуке поворачиваемого ключа. В блокноте он написал: «Я не знаю».

Сторож

Сторож из гаражного кооператива помнил белую машину у заброшенного корпуса, но не номер и не марку. Водитель был один — или в отражении стекла двигался кто-то ещё. «Спрашивайте не кто туда ходил, а кто потом решил, что туда никто не ходил», — сказал сторож. Фраза звучала как подсказка, однако могла быть просто удачным оборотом речи. Он отказался назвать полное имя и попросил Андрея больше не приходить. Это могло означать страх, усталость или желание казаться осведомлённым. Андрей записал всё, не превращая ни одну трактовку в факт.

Зеркало под тканью. Андрей долго не решался снять серую ткань, опасаясь увидеть то, что уже видел раньше. Когда он всё-таки открыл зеркало, отражение повторило его движение с небольшой задержкой.

На стекле остался след пальца, написавший одно слово: «ПАВЕЛ».

Выход из здания. Снаружи всё казалось обыкновенным: железная дорога, мокрые рельсы, гул электрички. Но на обратной стороне его билета стояла отметка о посещении здания в дату, которая ещё не наступила.

«Вы опять выходите не с той стороны», — сказал он.

За железной дорогой стоял корпус, которого не было на современной карте. На стене сохранилась табличка: «Ис-

следовательский корпус. Доступ по специальному разрешению». Ниже кто-то процарапал цифру 17. Ключ открыл боковую дверь. Внутри пахло известью, мокрым деревом и старым электрическим оборудованием. Коридор был пыльным, но дверные ручки недавно протирали.

В комнате охраны лежал журнал посещений. На последней странице сохранились три записи: «А. Воронцов», «М. без фамилии» и «Лебедева». Все датировались одним днём восемнадцать лет назад. Возле фамилии Андрея стояла отметка о выходе, возле Лебедевой поле было пустым, а у Марка отметки не имелось.

За стеной послышался металлический скрежет: три коротких удара, пауза, один длинный. В конце коридора была дверь без ручки. Андрей спросил, кто там. После долгой паузы голос, похожий на его собственный, ответил: «Тот, кто вышел раньше тебя». Он не открыл дверь. На лестнице нашёл обгоревший детский рисунок: дом, четыре окна и две фигуры по разные стороны двери. Над одной было написано «я», над другой — «если бы».

В одной из комнат Андрей нашёл на стене следы от снятых рамок. На полу остались четыре светлых прямоугольника, а в центре — один тёмный, словно картину держали там дольше остальных. В шкафу сохранился пустой каталог с пронумерованными ячейками. Номера шли от одного до восемнадцати, но семнадцатая строка была вырезана ножом. На соседней странице чьей-то рукой было написано: «Не уни-

чтожено. Перенесено». Андрей сфотографировал каталог и впервые подумал, что исчезнувшие документы могли быть не потеряны, а аккуратно перемещены.

У бывшего административного корпуса окна первого этажа были заложены кирпичом, но на втором одно стекло недавно заменили. У бокового входа висел новый замок, рядом сохранился светлый прямоугольник от старой таблички. На стене проступали ещё три таких следа, будто когда-то здесь висели фамилии. Андрей сфотографировал их и услышал за дверью металлический удар. Изнутри тянуло сыростью и слабым запахом горелой изоляции. Телефон завибрировал: «Не ищи вход. Ищи того, кто его закрыл». Отправитель знал, где он находится — если только сообщение не было запланировано заранее. Андрей оглянулся на пустую остановку и окна соседнего дома. В каждом окне мог быть наблюдатель; ни в одном нельзя было разглядеть лицо.

За дверью с закрашенным стеклом не было слышно дыхания, хотя голос отвечал с близкого расстояния. Андрей проверил нижний зазор фонарём: по ту сторону лежал такой же серый пол, но пыль на нём была нетронутой. Он не стал открывать дверь. Позже это решение будет казаться ему либо проявлением благоразумия, либо трусостью; в тот момент оно было единственным действием, которое не требовало притворяться, будто он понимает происходящее. Он сфотографировал замок и оставил на ручке крошечную полоску бумаги — простой способ выяснить, вернётся ли кто-нибудь

сюда после него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.